

УДК 351.74(470):34.07(091)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-1-144-156

АРОНОВ Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru, AuthorID: 262263

АСТРАХАН Владимир Иванович, доктор исторических наук, зав. кафедрой национальной безопасности, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: vianostra@mail.ru

ARONOV D.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru, AuthorID: 262263

ASTRAKHAN V. I., Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of National Security, Orel State University named after I. S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: vianostra@mail.ru, AuthorID: 262263

**ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКВД СССР –
РЕШЕНИЯ ВЫСШИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ КАК ИСТОЧНИК СОВЕТСКОГО ПРАВА**

**THE HISTORY OF LEGAL SUPPORT OF THE ACTIVITIES OF THE NKVD OF THE USSR -
DECISIONS OF THE HIGHEST PARTY BODIES AS A SOURCE OF SOVIET LAW**

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении места и роли в нормативно-правовом обеспечении деятельности НКВД. Особое внимание здесь уделяется такому источнику советского права, как решения высших руководящих органов правящей партии. В исследовании приводится характеристика видов партийных решений как источников советского права. На примере нормативно-правового обеспечения деятельности органов государственной безопасности поддерживается теоретический подход, в рамках которого предлагается ввести в число источников советского права «партийные нормативные правовые акты». Автором доказано, что даже в условиях решающей роли партийного руководства в формировании законодательства, регламентирующего деятельность НКВД, партийные нормативные правовые акты (НПА) зачастую напрямую противоречили нормам Конституции 1936 года, общим принципам права. Делается общий вывод о том, что совместные партийно-правительственные решения в форме совместных постановлений Политбюро ВКП(б) и СНК СССР были основными актами, формировавшими нормативную базу функционирования органов госбезопасности

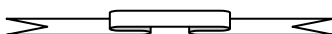
Ключевые слова: НКВД, нормативно-правовая база, решения руководящих органов коммунистической партии.

Abstract. The purpose of the article is to identify the place and role in the legal support of the activities of the NKVD.

Particular attention is paid to such a source of Soviet law as the decisions of the highest governing bodies of the ruling party. The study provides a description of the types of party decisions as sources of Soviet law. On the example of the legal support of the activities of state security agencies, a theoretical approach is supported, within the framework of which it is proposed to introduce "party normative legal acts" into the number of sources of Soviet law. The author proves that even in the conditions of the decisive role of the party leadership in the formation of legislation regulating the activities of the NKVD, party normative legal acts often directly contradicted the norms of the Constitution of 1936, the general principles of law.

As a result, the author comes to the conclusion that joint party-government decisions in the form of joint resolutions of the Politburo of the AUCP(b) and the Council of People's Commissars of the USSR were the main acts that formed the regulatory framework for the functioning of state security agencies.

Key words: NKVD, legal framework, decisions of the governing bodies of the Communist Party.

ВЕДЕНИЕ

На протяжении многих тысячелетий право является важнейшим регулятором самых разнообразных человеческих отношений, особенно тех, которые общество (на разных исторических этапах под ним понимается различная часть от всего населения) в лице государства считало достойными особо высокого уровня защиты. Как известно, право отличается от иных регуляторов общественных отношений, прежде всего, обязательностью, обеспеченной принудительной силой государства, а также тем, что, как правило, имеет строго определённую и очень высокую степень формализации. У каждого общества на определённом этапе развития можно найти черты, которые определяют специфическое отличие его права, правовой системы от других социумов и от других периодов в его же истории. Есть такие отличия и в истории российского социума. В этот период право, как таковое, существующее в легистском варианте, является элементом политико-правовой надстройки советского социума. И хотя источником права в первые постреволюционные годы считалось революционное правосознание, по мере укрепления государственного механизма, ядром которого де-факто являются высшие органы правящей политической партии, источником права становятся их властные веления, используемые в процессе государственного управления обществом. Однако говорить о том, что данный тезис является общепринятым, не приходится.

Одной из дискуссионных проблем в развитии советского права является понимание его особой природы (и, соответственно, источников), определённой не формальными установлениями государственной власти в духе юридического позитивизма (легизма), а реальными условиями общественной жизни со-

ветского социума в конкретном хронологическом периоде. Применительно к проблематике настоящей статьи речь идёт о такой сравнительно малоизученной теме [22, 7, 8], как место и роль в системе советского права документов, связанных с результатами деятельности Коммунистической партии Советского Союза. В данном случае мы имеем в виду все ипостаси правящей коммунистической партии (РКП(б), ВКП(б), КПСС) и, соответственно, оставляем за пределами рассмотрения изменения в структуре руководящих органов партии, официальных партийных наименованиях и их персональном составе.

Строго говоря, далеко не всякий партийный документ может быть квалифицирован в качестве источника права. Проведённый современными правоведами анализ партийных актов с позиций определения степени их нормативности показывает, что мы имеем дело с целой иерархией актов, хотя и не имеющей юридически определённой иерархизации. Однако применение к подобным партийным актам совокупности признаков нормативности, устоявшихся в современной теории государства и права, даёт возможность использовать классификацию партийных документов, идентифицируемых нами как источники права.

К периоду функционирования Советского государства и права представляется возможным отнести четыре формы участия коммунистической партии в правотворчестве: 1) отражение в НПА стратегии и тактики социального реформирования, разработанного и сформулированного соответствующими партийными органами; 2) прямое участие партийных органов в создании НПА различных видов. Парторганы могли полностью и самостоятельно разработать соответствующий текст либо внести представлявшие им нужными изменения в текст акта, разработанного в

рамках правотворческой процедуры, закреплённой действующим законодательством за определённым государственным органом; 3) наиболее близкое к пониманию нормы права издание совместных постановлений партийных и государственных органов, о правовой природе каковых дискуссия идёт со времён СССР. Интересная деталь здесь состоит в том, что место партии в реквизитах документа может быть вторым, но ориентироваться на этот формальный признак явно не стоит; 4) выделяют также самостоятельную правотворческую деятельность партии как вполне самостоятельного полноправного субъекта законотворческого, а по сути, законодательного процесса. Примером здесь служат самостоятельные решения пленумов и съездов партии, в том числе по хозяйственным вопросам (управление производством, регулирование уровня зарплаты, безработицы), вопросам профессионального образования и управления вузами.

Для нашей статьи, посвящённой нормативно-правовой базе деятельности НКВД, данный сюжет исключительно важен, в силу того что регулирование деятельности столь значимого органа исполнительной власти происходит с помощью весьма большого количества нормативно-правовых актов, уже в названиях которых отразился их двойственный характер ввиду участия как государственных, так и партийных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В изучаемый в статье исторический период право – это неотъемлемый элемент государственной политики, формируемый при прямом участии высших органов руководства ВКП(б) в законотворческой и законодательной деятельности госорганов. Пример приведён выше во введении, где указано, что создание

НКГБ сначала в феврале было принято Политбюро, а в марте были внесены соответствующие изменения в Конституцию СССР. Таким образом, выстроив формальную иерархию нормативных актов по их юридической силе, новая власть не считала необходимым её формальное соблюдение, руководствуясь принципом политической целесообразности, который формировался исходя из субъективных представлений советского партийно-государственного руководства. Эту мысль хорошо выразил основоположник Советского государства и автор ряда теорий его развития В. И. Ульянов-Ленин, который писал: «Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии» [22, С. 30]. Советское право этого периода, несомненно, было концентрированным выражением политики, которую определяло руководство ВКП(б), но, как правило, в лице даже не Центрального комитета, а узкого круга членов Политбюро. После же победы И. В. Сталина над главными политическими оппонентами этот процесс во многом определялся им фактически единолично.

Изменения в социально-политическом устройстве, системе государственного управления тридцатых годов прошлого века коренным образом трансформировали и советскую правовую систему, в том числе в части теоретических представлений о природе и сущности права, сформировавшихся в рамках марксистского правоведения постреволюционного десятилетия. В данном случае право определялось как «совокупность общеобязательных правил поведения (норм), установленных социалистическим государством и выражающих материально обусловленную и направляемую коммунистической партией

волю трудящихся масс во главе с рабочим классом и охраняемых от нарушения принудительной силой государства» [2, С. 128]. Данной дефиниции имманентно присуще теоретическое обоснование использования права (понимаемого как совокупность норм, содержащихся в издаваемых государством нормативных актах различного вида) как средства обеспечения административно-командных методов управления государством социальными процессами, происходящими в обществе.

Основные тенденции в развитии права, которые можно отметить применительно к рассматриваемому в работе периоду государственного строительства в СССР, связанному с реформированием системы органов государственной безопасности:

1. Для законодательства этого периода крайне сложно разделить закон как таковой и то, что в юриспруденции называется подзаконными нормативными актами. Ранее, в двадцатые годы прошлого века, существовала точка зрения, суть которой сводилась к тому, что в государстве нового типа, т. е. советском, закон – это любой акт общего нормативного характера, который может исходить от любого государственного органа [1, С. 46]. В данном случае современные исследователи считают, что нормативные акты, которые были приняты высшими органами власти Советского государства, а это, соответственно, съезды Советов, ВЦИК (ЦИК – (Всесоюзный) Центральный исполнительный комитет), Президиум ЦИК, являются законами. Следовательно, акты, изданные по современной классификации органами исполнительной власти, т. е. Советом народных комиссаров (СНК), – это акты подзаконные. Собственно, они, по сути, конкретизируют и развивают положения союзных и республи-

канских законов. Вместе с тем экстраполяция современных представлений о системе и иерархии нормативно-правовых актов на изучаемый в работе период не вполне корректна. Как отмечает О. Н. Мигущенко, «пестрота, вермишельность и лоскуточность» нормативных актов, принятых в 1920–1930-е гг. [11, С. 24], на практике приводили к отсутствию какой-либо системности и строго выраженной иерархичности в системе действовавших нормативных актов.

Важным шагом к повышению степени иерархичности, формализации в данном вопросе стало принятие 5 декабря 1936 года и введение в действие Конституции СССР. В ней, соответственно, содержались основы как для изменения самих названий источников права, так и для гораздо более подробной и формализованной регламентации нормотворчества всей системы органов государственного управления. Однако так или иначе, но именно Конституция выступила в целом базовой основой системы источников советского права. Она содержала перечень видов нормативных актов, их соответствующие определения применительно ко всем звеньям весьма развитой системы органов государственного управления СССР. Так, например, статьи 39, 40, 49, 66 Конституции СССР определяли, что Верховный Совет СССР принимал законы, а его руководящий орган, а именно Президиум ВС СССР, – указы.

Высший орган исполнительной власти – СНК СССР – принимал постановления и распоряжения, отраслевые органы управления, народные комиссариаты (в 1946 году им на смену придут министерства) принимали приказы и инструкции [6]. Следует отметить, что постановления СНК принимались именно на основе и во исполнение действующих законов, соответственно, приказы наркоматов –

как на основе и во исполнение действующих законов, так и на основе постановлений и распоряжений, изданных СНК (правительством) СССР. Не был забыт и такой важный правовой принцип, как подзаконность, который в Конституции СССР 1936 г. был сформулирован в статьях 66, 73, 81, 85, 98, которыми на основании степени юридической силы устанавливалась иерархия советских нормативных актов. Отмечалось, что это сделано именно для обеспечения гарантий порядка в процессе реализации государственными органами своей законодательной функции. Однако ввиду полного отсутствия в СССР механизма контроля за соблюдением данного принципа это неизбежно привело к расширительному толкованию понятия закона. По сути, несмотря на упомянутые ранее нормы Конституции 1936 года, законом мог считаться практически любой НПА, включённый в систему советского законодательства. Это многократно усиливало значение, место и роль подзаконных актов в качестве источников права, что стало основой появления и исключительно широкого распространения, в том числе, как будет далее показано в работе, в деятельности органов государственной безопасности, такого феномена, как «незаконно подзаконные» акты [10, С. 124].

2. В ст. 126 Конституции 1936 года было сформулировано место и роль коммунистической партии в советском обществе. Это не была пресловутая ст. 6 Конституции 1977 года о КПСС как «руководящей и направляющей» силе советского общества, но для советской системы управления периода формирования тоталитарного политического режима сугубо юридическая казуистика не имела принципиального значения. На практике руководящее положение ВКП(б) создало ситуацию, когда принимаемые её

органами коллективного управления решения, как совместные, так и самостоятельные, в Конституции никак не упомянутые, становились для органов госуправления источниками права.

Формально (по Конституции (и то с оговорками)) это были подзаконные акты, но в повседневной практике государственного управления они имели, по сути, высшую юридическую силу. В них формальная и фактическая сила правительственного постановления объединялась с политическим главенством и авторитетом правящей партии – партии, совершившей революцию и победившей в Гражданской войне. Эти специфические акты не только содержали общеобязательные нормы поведения, обеспечиваемые принуждением со стороны всей системы советского государственного аппарата, но и в своём роде выступали как политические директивы компартии. Нередко в развитие партийных решений принимались многочисленные дополнительные нормативные акты. Это в целом вело к тому, что по мере становления административно-командного стиля управления к партийным органам всех уровней, наверное, исключая низовые парткомы и партячейки, переходит всё больший и больший объём административно-управленческих функций, конкретных организационных вопросов. Это, в свою очередь, по эффекту домино ещё больше увеличивает как поток партийных постановлений, имеющих для Советского государства нормативный характер, так и совместных постановлений партийных и государственных органов [10, С. 125].

Более подробно об иерархии решений, принимаемых партийными органами СССР всех уровней, написано в диссертации С. А. Токмина «Партийные акты в системе источников советского права», где данная

проблематика рассматривается на материалах всего периода существования советской государственности и на всех уровнях партийного управления [22].

3. Несмотря на то что Конституция СССР от 5 декабря 1936 года особо оговаривала роль закона в качестве основного источника права, а ВС СССР и ВС союзных республик в качестве органов законодательной власти, на практике как качественно, так и количественно стремительно росло нормотворчество органов управления, генерировавших огромное количество ведомственных нормативных актов.

Эти трансформации правовой политики государства в полной мере отразились и на правовом обеспечении функционирования органов госбезопасности, чья деятельность с момента возникновения и на протяжении всего периода существования находилась под максимально возможным контролем со стороны партийного и государственного руководства СССР. Органы госбезопасности изначально были одной из важнейших опор советской власти, позволивших ей устоять в борьбе с многочисленными как политическими, так и вооруженными противниками [4].

Естественно, что деятельность органа, одной из задач которого является применение в массовых масштабах насилия от имени государства, должна быть четко регламентирована, а выполнение этой функции – находиться под эффективным контролем. Нормативная фиксация основных направлений деятельности, объема прав и обязанностей соответствующего органа государственного управления, в том числе и обеспечивающих безопасность страны, – это неотъемлемая часть определения объема компетенции конкретного госоргана. Однако, как показали результаты изучения данного вопроса, тео-

ретическая основа очень сильно разошлась с конкретной практикой государственного управления, в том числе в сфере нормативного и организационного обеспечения деятельности органов госбезопасности в тридцатые годы прошлого века.

После решения Политбюро ЦК ВКП(б) об изменении степени централизации управления органами госбезопасности в сторону её усиления принято Постановление Президиума ЦИК СССР от 10 июля 1934 года, «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел СССР» [17]. Созданная структура государственного управления должна была быть обеспечена как материально и организационно, так и нормативно.

Параллельно были определены дела, которые мог расследовать сам наркомат внутренних дел и входящие в него подразделения в такой сфере, как государственные преступления [18]. Их рассматривали в Верховном Суде СССР и республик в составе СССР, краевых и областных судах и в главных судах автономных республик. На уровне СССР и союзных республик были образованы специальные судебные коллегии в составе председательствующего и двух членов суда.

К подсудности Военной коллегии ВС СССР относились такие составы преступлений, как измена Родине, шпионаж, террор, различные виды диверсий. Они также рассматривались в военных трибуналах округов. Транспортная и Водная коллегия ВС СССР, линейные, железнодорожные и водные суды рассматривали дела о преступлениях на железнодорожном и водном транспорте. Прочие дела в общем порядке рассматривались в народных судах.

Формально в законодательстве была прописана и процедура надзора за деятельностью оперативных подразделений органов госбезопасности со стороны органов прокуратуры. Мнение о бесконтрольной практике арестов и следственных действий, которые проводили органы госбезопасности, низко верифицировано. Совместное постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О порядке производства арестов» от 17 июня 1935 года установило алгоритм участия в этом процессе сотрудников прокуратуры. Нормативно все аресты, производимые НКВД, получали санкцию прокурора, соответствующего уровня.

Вместе с тем настоящее постановление никак не соответствовало конституционным нормам. Дело в том, что оно вводило иерархию граждан СССР в соответствии с местом, занимаемым ими в служебной и/или политической иерархии. В группе так называемых номенклатурных работников были необходимы две санкции – собственно соответствующего сотрудника прокуратуры, а также высшего руководителя. Например, для того чтобы арестовать члена ЦИК СССР союзной республики требовалось разрешение республиканских председателей. Если же говорить о руководящих работниках органов отраслевого управления, специалистов, имевших особо ценную квалификацию, лиц, имевших воинские звания начальствующего состава как высшего, старшего, так и среднего, то там нужно было соответствующее решение руководителя конкретного наркомата.

Рядовые члены партии также не могли быть арестованы в общем порядке. Они же составляли самую многочисленную группу особо выделенных по этой части граждан СССР. Среди них возникла также своеобразная иерархия.

Начиная с райкома партии, требовалась санкция первого секретаря райкома, и т. д. по партийной иерархии шли горком, обком, крайком и т. п. Это и де-факто, и де-юре шло вразрез с Конституцией и соответствующими подзаконными актами. Принцип равенства граждан перед законом оставался в теории и на страницах учебников советского права. В повседневной жизни и прокуратура, и наркоматы, и тем более парторганизации низового уровня следовали общим политическим установкам центрального руководства партии и правительства.

Помимо реформирования нормативной основы функционирования НКВД шла работа по совершенствованию системы советского законодательства в целом. Так, ещё в мае 1922 года на сессии ВЦИК был принят уголовный кодекс [14]. До принятия данного акта советское уголовное законодательство состояло из совокупности ряда отдельных уголовных законов, содержащих в некотором роде основы общей части уголовного права. Уголовная ответственность за конкретные виды преступлений также устанавливалась рядом отдельных актов [20, С. 34].

Дискуссионным остаётся вопрос о степени обязательности решений Пленума ВС СССР. Советская правовая теория отрицала за судебными решениями возможность быть источником права. Первый прокурор СССР А. Я. Вышинский, во многом лично определявший в те годы советскую юридическую доктрину, неоднократно говорил, что суды есть орган правоприменительный, но никоим образом не правосоздающий [21, С. 54]. Его поддерживали и другие теоретики [12]. К тому же в ст. 75 закона о судостроительстве [5] роль Пленума ВС СССР определялась в том плане, что он «...даёт руководящие указания по вопросам судебной практики на основании

решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР судебным делам» [5]. Однако параллельно с этим в условиях складывавшейся в стране командно-административной системы управления, включившей суды в систему общей жёсткой централизации, фактически утверждался обязательный характер данных указаний. При этом они были де-факто обязательны и для судов, и для тех государственных органов и должностных лиц, которые занимались правоприменительной практикой закона, по которому пленумом было дано разъяснение.

Такие процессы в советском обществе, как коллективизация и индустриализация, в контексте исследуемой нами темы привели не только к ухудшению материального положения населения и к соответствующему недовольству действиями органов власти, но и к росту преступности.

Это привело к появлению у государства задачи по защите социалистической собственности и борьбе с экономическими преступлениями. Политическое руководство страны пошло уже традиционным путём ужесточения уголовной репрессии с перекалфикации преступных деяний в более тяжкие. ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 года принимают постановление, более известное под своим народным (публицистическим) названием – «закон о трёх (как вариант, пяти) колосках». Его правильное название звучит следующим образом «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [19]. Принят он был, естественно, как и многие иные акты данного рода, «по многочисленным просьбам трудящихся». Если рассматривать его юридическую сущность, то он приравнивал хищение государственной и общественной собственности к контрреволюционным преступлениям.

Также были определены и варианты совершения деяний, квалифицируемых в соответствии с ним. К таковым были отнесены: посягательства на социалистическую собственность (Ч. I и II); посягательства кулацко-капиталистических элементов на колхозную систему путём воздействия на колхозников (Ч. III) [4].

По сути своей объективная сторона указанных деяний отлична, а то, что они попали в разряд антигосударственных преступлений, – это ещё одно свидетельство полного небрежения юридической техникой в угоду текущей целесообразности. В данном случае это обеспечение охраны социалистической собственности.

Интересен и такой аспект, как невключение норм этого закона в УК РСФСР и иных союзных республик. Закон существовал параллельно с УК и их аналогичными статьями об ответственности за покушение на социалистическую собственность.

В этом же контексте следует рассматривать и постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известное как закон «о трёх колосках»¹. По этому постановлению и развивающим его документам² уголовной ответственности подлежали не только виновные в совершении соответствующих деяний, но и ряд должностных лиц, которые не приняли должных мер для недопущения на вверенном им участке работы рас-

¹ См. также такие названия, как закон о пяти колосках, закон «семь восьмых», «закон от седьмого-восьмого», указ «7–8» и т. д.

² См., например: Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК ССР от 8 мая 1933 № П-6028 «О прекращении применения массовых выселений и острых форм репрессий в деревне».

трат и хищений. Вариантов было, по сути, два – способствование или невоспрепятствование хищениям социалистической собственности. Следовательно, квалификация деяния по закону от 7 августа 1932 года была возможна и в том случае, когда в действиях должностного лица умысла, непосредственно направленного на хищение, не было [3, С. 94]. В решении Пленума ВС СССР эта норма была подтверждена. В нём отмечалось, что «закон от 7 августа 1932 года должен применяться в отношении руководителей государственных и кооперативных органов, не принявших необходимых мер к охране социалистической собственности, и тем самым создав благоприятные условия для ее расхищения» [13].

В 1934 году в советском уголовном праве появляется статья об измене Родине. Это деяние определялось как «действия, совершенные гражданами СССР в ущерб его военной мощи, государственной независимости или неприкосновенности его территории» [4, С. 97]. Естественно, что санкция за измену Родине была «высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества» [16]. Тогда же произошло и символически-знаковое изменение названия уголовной репрессии. Вместо «меры социальной защиты» появился термин «меры уголовного наказания», оставшийся до наших дней.

Вместе с тем в действующем уголовном законодательстве был ряд пробелов, объективно затруднявших деятельность органов государственной безопасности. Норма, установившая ответственность за шпионаж, не заполнила пробелы в части уголовно-правовой защиты гостайны. Вопрос об ответственности за её разглашение не имел одно-

значного толкования, что создавало проблемы для судебной практики и вело к взаимоисключающим конструкциям, предусматривавшим ответственность за разглашение гостайны. В УК РСФСР 1922 и 1926 гг. определение гостайны отсутствовало, отдельной нормы об ответственности за её разглашение не было. Она появляется только в ст. 193.25 УК РСФСР в 1926 году, имея ограниченный предмет преступления – разглашение являющихся специально охраняемой тайной сведений о вооруженных силах и об обороноспособности СССР – и субъекта деяния – военнослужащих [15].

Ещё один пробел в УК РСФСР – это отсутствие специальной нормы об ответственности за утрату документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну. В этой ситуации ряд советских юристов предлагали просто решать дела по аналогии в зависимости от конкретных обстоятельств дела, степени и размеров причиненного государству ущерба и т. п. [3, С. 48].

Таким образом, мы можем говорить о том, что деятельность органов государственной безопасности регламентировалась нормативно-правовой базой, сформировавшейся в условиях, когда коммунистическая партия осталась общественной организацией передовых представителей советского общества только в теории и формальных, можно сказать, почти ритуальных документах. На практике, что подтверждают нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность НКВД, партия обладала фактической и политической, и государственной властью. Именно с этим и связано участие партийных органов и партийных руководителей в создании нормативной базы функционирования системы государственной безопасности.

Соответственно, Конституция 1936 года

определяла общие принципы правотворчества и была идеологически определена партийными решениями. Однако, несмотря на фактическую, а во многих случаях и формальную первенствующую роль высших партийных органов в формировании нормативно-правовой базы функционирования НКВД, в целом ряде актов мы видим явные противоречия ранее ими же инициированным нормам. Особенно явно это проявляется в неправовом порядке ограничения прав и свобод граждан СССР, закреплённых в Конституции, путём издания актов, заведомо имеющих меньшую юридическую силу. Большинство нормативных документов, регламентирующих деятельность НКВД, относится к числу изданных совместно от имени партийного органа – как правило, Политбюро – и высшего органа исполнительной власти – СНК (правительства), что выглядит вполне логично с учётом значительного объёма технической работы, неизбежной при подготовке актов, регламентирующих оперативную и служебную деятельность органов государственной безопасности. Сугубо партийных нормативных актов в сфере регламентации деятельности НКВД отечественными исследователями на настоящий момент не выявлено. Полагаем, что такой акт вряд ли вероятен, что связано с особым вниманием партийного руководства к определению нормативной базы функционирования НКВД, удельным весом кураторов данного наркомата в системе внутрипартийной иерархии. При желании можно определить круг ведомственных приказов НКВД, имеющих в основе идеологические послылы партийных органов, но с учётом пронизанности советской государственности партийной идеологией вряд ли такая корреляция добавит что-то новое в понимание ситуации на фоне многочислен-

ных отмеченных в настоящей работе партийно-государственных решений.

Полагаем, что данный аспект проблемы ещё имеет исследовательский потенциал, в том числе с применением метода частотного и терминологического анализа соответствующих актов. Также представляется перспективным изучение всей совокупности партийных нормативных правовых актов с целью установления удельного веса каждого из них не просто с позиций формального наименования, хотя бы и отражающего в определённой мере их внутреннюю иерархию, но с позиций значимости конкретного документа в общем ряду актов, устанавливающих статус органов государственной безопасности в системе управления советским социумом соответствующего периода.

Библиография / References:

1. Архипов К.А. Закон в Советском государстве: проблемы советского права/ Под общ. ред. Д.А. Мегеровского. – М.: Госиздат, 1926. – 156 с.
2. Белковец Л.П., Белковец В.В. История государства и права России. Курс лекций. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. – 216 с.
3. Герцензон А.А., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А., Солнцев К.И., Трайнин А.Н., под ред.: Герцензон А.А., Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Государственные преступления: Учебник 2-е изд., перераб. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 527 с.
4. Гоцуленко А.В. Организационно-правовые основы деятельности органов государственной безопасности в Уральском регионе (1934–1941 гг.). Дисс. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2015. – 210 с.

5. Закон СССР от 16.08.1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1938. – № 11.
6. Конституция СССР. 1936. Ст. 131 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283. – 6 декабря.
7. Корельский В.М. О характере норм, создаваемых общественными организациями // Советское государство и право. – 1963. – № 9. – С. 101–104.
8. Корельский В.М. Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета министров СССР // Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 23–28.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. – Т. 42. – Петербург: Государственное издательство, 1920. – 120 с.
10. Лукьянова Е.А. Источники Советского государства и права в период между двумя конституциями (1936–1977) // Советское государство и право. – 1990. – № 2. – С. 124.
11. Мигущенко О.Н. К вопросу о проблемах правотворчества в СССР в 20–30-е годы XX века и в современной России // История государства и права. – 2011. – № 10. – С. 24–26.
12. Орловский П. Значение судебной практики в развитии советского государственного права // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9.
13. Постановление 58 Пленума ВС СССР «Об итогах применения в судебной практике закона от 7 августа 1932 года» // Советская юстиция. – 1937. – № 22. – С. 39–40.
14. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 года «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
15. Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 года «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» // СЗ. – 1926. – № 32. – Ст. 213.
16. Постановление ЦИК СССР «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине». 8 июня 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 33. – Ст. 255.
17. Постановление ЦИК СССР «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел» от 10 июля 1934 г. // СЗ СССР. – 1934. – № 36. – Ст. 283.
18. Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 года «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР и его местными органами» // СЗ СССР. – 1934. – № 36. – Ст. 284.
19. Постановление ЦИК, Совнарком СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности. 7 августа 1932 г. // СЗ СССР. – 1932. – № 62. – Ст. 360.
20. Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Московский государственный университет, 1969. – 460 с.
21. Строгович М.С. Критика и библиография // Социалистическая законность. – 1946. – № 11–12.
22. Токмин С.А. Партийные акты в системе источников советского права. Дисс. ... к.ю.н. – Омск, 2016. – 210 с.
1. Arkhipov K.A. (1926) Zakon v sovetskom gosudarstve: Problemy sovetskogo prava [Law in the Soviet State: Problems of Soviet Law] /

Pod obshch. red. D.A. Megerovskogo. – M.: Gosizdat. – 156s. (In Russ.).

2. Belkovets L.P., Belkovets V.V. (2000) Istoriya gosudarstva i prava Rossii [History of the state and law of Russia]. Kurs lektsiy. – Novosibirsk: Novosibirskoye knizhnoye izdatel'stvo. – 216s. (In Russ.).

3. Gertsenzon A.A., Durmanov N.D., Isayev M.M., Men'shagin V.D., Osherovich B.S., Pintkovskiy A.A., Solntsev K.I., Traynin A.N., Pod red.: Gertsenzon A.A., Piontkovskiy A.A. (1939) Ugolovnoye pravo. Osobennaya chast'. Gosudarstvennyye prestupleniya [Criminal law. Special part. State Crimes]: Uchebnik 2-ye izd., pererab. – M.: Yuridicheskoye izdatel'stvo NKYU SSSR. – 527s. (In Russ.).

4. Gotsulenko A.V. (2015) Organizatsionno-pravovyye osnovy deyatel'nosti organov gosudarstvennoy bezopasnosti v ural'skom regione [Organizational and legal foundations for the activities of state security agencies in the Ural region] (1934–1941 gg.). Diss. ... k.yu.n. Yekaterinburg. – 210s. (In Russ.).

5. Zakon SSSR ot 16.08.1938 g. «O sudoustroystve SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik [On the judiciary of the USSR, union and autonomous republics]» // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. – 1938. – № 11. (In Russ.).

6. Konstitutsiya SSSR [The Constitution of the USSR]. 1936. St. 131 // Izvestiya TSIK SSSR i VTSIK. – 1936. – № 283. – 6 dekabrya.

7. Korel'skiy V.M. (1963) O kharaktere norm, sozdavayemykh obshchestvennymi organizatsiyami [On the nature of the norms created by public organizations] // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – №9. – S.101–104. (In Russ.).

8. Korel'skiy V.M. (1965) Ob osobennostyakh i znachenii norm, sodержashchikhsya v sovместnykh postanovleniyakh TSK KPSS i Soveta Ministrov SSSR [On the features and

significance of the norms contained in the joint resolutions of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR] // Pravovedeniye. – №2. – S.23–28. (In Russ.).

9. Lenin V.I. (1920) Polnoye sobraniye sochineniy. Detskaya bolezni' «levizny» v kommunizme [Full composition of writings. Children's disease of "leftism" in communism]. – T.42. – Peterburg: Gosudarstvennoye izdatel'stvo. – 120s. (In Russ.).

10. Luk'yanova Ye.A. (1990) Istochniki sovetskogo gosudarstva i prava v period mezhdum dvumya Konstitutsiyami (1936–1977) [Sources of the Soviet state and law in the period between the two Constitutions] // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – №2. – S.124. (In Russ.).

11. Migushchenko O.H. (2011) K voprosu o problemakh pravotvorchestva v SSSR v 20-30-ye gody XX veka i v sovremennoy Rossii [To the question of the problems of lawmaking in the USSR in the 20-30s of the XX century and in modern Russia] // Istoriya gosudarstva i prava. – №10. – S.24–26. (In Russ.).

12. Orlovskiy P. (1940) Znachenije sudebnoy praktiki v razvitii sovetskogo gosudarstvennogo prava [The value of judicial practice in the development of Soviet state law] // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – № 8–9. (In Russ.).

13. Postanovleniye 58 Plenuma VS SSSR «Ob itogakh primeneniya v sudebnoy praktike zakona ot 7 avgusta 1932 goda [On the results of the application of the law of August 7, 1932 in judicial practice]» // Sovetskaya yustitsiya. – 1937. – №22. – S.39–40. (In Russ.).

14. Postanovleniye VTSIK ot 1 iyunya 1922 goda «O vvedenii v deystviye Ugolovnogo kodeksa RSFSR [On the Enactment of the Criminal Code of the RSFSR]» // SU RSFSR. – 1922. – №15. – St.153. (In Russ.).

15. Postanovleniye SNK SSSR ot 27 aprelya 1926 goda «Ob utverzhdenii perechnya svedeniy, yavlyayushchikhsya po svoemu sodержaniyu spetsial'no okhranyayemoy gosudarstvennoy taynoy [On approval of the list of information that is, in its content, a specially protected state secret]» // SZ. – 1926. – № 32. – St.213. (In Russ.).

16. Postanovleniye TSIK SSSR «O dopolnenii polozheniya o prestupleniyakh gosudarstvennykh (kontrevolyutsionnykh i osobo dlya Soyuza SSR opasnykh prestupleniyakh protiv poryadka upravleniya) stat'yami ob izmene rodine [On supplementing the provisions on state crimes (counter-revolutionary and especially for the USSR dangerous crimes against the order of government) with articles on treason]». 8 iyunya 1934 g. // SZ SSSR. – 1934. – №33. – St.255. (In Russ.).

17. Postanovleniye TSIK SSSR «Ob obrazovanii obshchesoyuznogo Narodnogo komissariata vnutrennikh del [On the formation of the All-Union People's Commissariat of Internal Affairs]» ot 10 iyulya 1934 g. // SZ SSSR. – 1934. – №36. – St.283. (In Russ.).

18. Postanovleniye TSIK SSSR ot 10 iyulya 1934 goda «O rassmotrenii del o prestupleniyakh, rassleduyemykh Narodnym komissariatom vnutrennikh del Soyuza SSR i yego mestnymi organami [On the consideration of cases of crimes investigated by the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR and its local bodies]» // SZ SSSR. – 1934. – №36. – St.284. (In Russ.).

19. Postanovleniye TSIK, Sovnarkom SSSR «Ob okhrane imushchestva gosudarstvennykh predpriyatiy, kolkhozov i kooperatsii i ukreplenii obshchestvennoy (sotsialisticheskoy) sobstvennosti [On the protection of property of state en-

terprises, collective farms and cooperation and the strengthening of public (socialist) property] » 7 avgusta 1932 g. // SZ SSSR. – 1932. – №62. – St.360. (In Russ.).

20. Sovetskoye ugodovnoye pravo. Obshchaya chast' [Soviet criminal law. A common part]. – M.: Moskovskiy Gosudarstvennyy universitet, 1969. – 460s. (In Russ.).

21. Strogovich M.S. (1946) Kritika i bibliografiya [Criticism and bibliography] // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – №11–12.

22. Tokmin S.A. (2016) Partiynnye akty v sisteme istochnikov sovetskogo prava [Party acts in the system of sources of Soviet law]. Diss. ... k.yu.n., Omsk. – 210s. (In Russ.).